

МАРИНА ЖЮЛИ

Романтика и приключения

ЕЛЕНА ФЁДОРОВА

Елена Фёдорова

**Марина Жюли. Романтика
и приключения**

«Издательские решения»

Фёдорова Е.

Марина Жюли. Романтика и приключения / Е. Фёдорова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854107-0

Революция 1917 года разделила людей на красных и белых. Лозунг: «Власть — народу, земля — крестьянам» вынудил интеллигенцию бежать из России. На корабле, плывущем в Константинополь, встречаются Марина Привалова и Роман Болдырев, но у этой любви нет будущего. Перед смертью дед Роман просит внука Раймона разыскать в Париже девушку с русским именем Марина. Раймон находит Марину, влюбляется в нее и приглашает поехать на остров Флорес, не подозревая о страшных испытаниях, которые готовит им судьба.

ISBN 978-5-44-854107-0

© Фёдорова Е.
© Издательские решения

Содержание

Марина Жюли	7
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Жюли Романтика и приключения

Елена Фёдорова

Корректор Вячеслав Фёдоров

© Елена Фёдорова, 2017

ISBN 978-5-4485-4107-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Елена Ивановна Фёдорова – поэт, писатель, член Союза писателей России, Интернационального союза писателей, драматургов, журналистов и Международной гильдии писателей, Почетный работник Культуры города Лобня, автор около двухсот песен для детей и взрослых, автор тридцати пяти книг на русском (девять из них для детей) и трёх на английском языке. Жанр произведений разнообразен: фэнтези, городской роман, романтика и приключения, мистика, романы в стихах, баллады, притчи, сказки, рассказы, новеллы, сценарии.

Финалист Литературных премий «Дама фантастики 2017», «Писатель года 2014», включена в список сто лучших писателей. Заняла первое место в конкурсе поэзии им. Марины Цветаевой, второе место в конкурсе стихов о Великой Отечественной Войне и конкурсе поэзии имени Иннокентия Анненского.

Специальная премия V фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» и Интернационального Союза писателей «За крупный вклад в детскую литературу», диплом Международной литературной конференции по вопросам фантастики РосКон «За крупный вклад в детскую и фантастическую литературу», медали имени Мацуо Басё и Семёна Надсона, диплом Антуана Сент Экзюпери, сертификат участника Международной писательской конференции в Нью-Йорке. Стипендиат Губернатора Московской области в номинации «Выдающийся деятель искусств».

Проект песен для детей «Золотая страна» в соавторстве с композитором Вячеславом Гридуновым стал Лауреатом конкурса Губернатора Московской области «Наше Подмосковье» в номинации «Забота о детях.»

Работала стюардессой международных линий Аэрофлота, тележурналистом ТРК «Лобня».

Авторский сайт: [битая ссылка] <http://efedorova.ru>

Марина Жюли

За Вами я слежу давно
С горячим, искренним участием.
И верю: будет Вам дано
Не многим ведомое счастье
Лишь сохраните, я молю,
Всю чистоту души прекрасной
И взгляд на жизнь простой и ясный,
Все то, за что я Вас люблю!

Аполлон Григорьев.

Марина Жюли – француженка с русским именем¹ жила на Монмартре. Хотя ее и звали Марина – морская, моря она никогда не видела. И до встречи с Раймоном даже не подозревала, что море станет ее второй большой любовью. Ведь первой любовью для Марины был Монмартр, где она знала каждый закоулочек. Марина была уверена в том, что красивее базилики Сакре-Кёр человечество еще ничего не придумало. Но Раймон разуверил ее и в этом.

Он появился в жизни Марины совершенно неожиданно, как дождь в солнечный день.

В это раннее утро посетителей в кафе, где работала Марина, не было. Она расставляла на столиках вазочки с цветами и напевала:

Когда он меня обнимает,
Когда нашептывает мне на ухо,
Моя жизнь окрашивается розовым цветом.²

– Вы тоже любите Пиаф? – прошептал кто-то Марине на ухо. Она вздрогнула от неожиданности и чуть не выронила из рук вазочку. Увидела подле себя высокого голубоглазого юношу с ямочками на щеках. В его пшеничных волосах блестели капельки воды. Дорогой темно – синий костюм тоже был мокрым.

– Где вы умудрились промокнуть? – воскликнула Марина.

– На улице, под дождем, – ответил он так, словно она задала ему нелепый вопрос.

– На улице солнце, – сказала Марина и повернулась к окну.

¹ Автор знает, что Марина – римское имя. Но, если вы прочтете роман до конца, то поймете, почему у Марины Жюли русское имя.

² Эдит Пиаф.

– На улице дождь, – сказал незнакомец и, открыв дверь, добавил, – теперь вы сами это видите.

– Потрясающе! Солнце и дождь одновременно. Это напоминает волшебство, – сказала Марина, наблюдая, как огромные капли шлепают по асфальту.

– Все гораздо прозаичнее, – незнакомец улыбнулся. – Взгляните во-он туда. Видите черную тучу, которая решила всплакнуть?

Марина выглянула за дверь и увидела маленькую черную тучку, из которой сыпались крупные капли дождя.

– Такая маленькая, а столько сырости развела, – посетовала Марина и повернулась к незнакомцу. Их взгляды встретились.

– Значит, вы любите Пиаф? – спросил он.

Марина почувствовала странное волнение и, поняв, что краснеет, опустила глаза.

– У нас в Париже все любят Эдит Пиаф.

– Могу поспорить, что не так, как вы и я, – в его голосе слышались таинственные нотки.

Марина подняла голову. Незнакомец улыбнулся, взял ее руку, посмотрел на ладонь, несколько раз провел по тонким пальцам Марины и нараспев проговорил:

– Меня зовут Раймон. Вечером я буду ждать вас на Пляс Пигаль.

Колокольчик над дверью звякнул. Марина ойкнула и выбежала за Раймоном следом, но он уже затерялся в толпе туристов, спешащих к базилике Сакре-Кёр.

– Доброе утро, мадмуазель Марина! – постоянный посетитель кафе мосье Жак широко улыбнулся. – Чудесное утро сегодня!

– Доброе утро, мосье Жак! – отозвалась Марина, продолжая искать в толпе темно-синий костюм Раймона.

– Вы уже открылись? Или кого-то ждете? – поинтересовался мосье Жак.

– Нет, – рассеянно ответила Марина.

– Жаль, я хотел выпить чашечку кофе, – мосье Жак повернулся, чтобы уйти.

– Мы открылись, открылись, проходите пожалуйста, – Марина распахнула перед ним дверь. – Я всегда вас рада видеть. Вот уже десять лет наше утро начинается с вашего визита, дорогой наш мосье Жак. Расскажите, как идут ваши дела?

– Я вчера продал одну из своих самых дорогих картин, – похвастался тот. – И сегодня не только выпью кофе с булочкой, но отдам вам все свои долги, накопившиеся за неделю.

– Я так рада за вас, мосье Жак. Через минуту будет готов кофе такой, как вы любите.

Марина занялась приготовлением кофе, а художник удобно устроился за столиком у окна. Он всегда садился именно за этот столик. Отсюда была видна часть базилики Сакре-Кёр, бульвар, по которому непрерывной вереницей спешили люди, чтобы исчезнуть в подземном переходе метро.

– Знаете, мадмуазель Марина, – сказал художник, когда она поставила перед ним горячий кофе и румяную булочку. – Когда я наблюдаю за входом в метро, то мне кажется, что там внизу находится подземное царство. Или не царство, а город. Тот, кто доволен жизнью в этом городе, скрывается под землей снова и снова. А тот, кто недоволен, выходит наружу, чтобы заразить своим недовольством всех... Да вон, посмотрите скорее, моя дорогая, на того лысого толстяка. У него просто угрожающий вид. Таких злодеев нужно изолировать от общества...

Марина рассмеялась. Лысый толстяк расталкивал всех на своем пути, что-то кричал и непрерывно вытирал огромным платком свою красную лысину. Он был похож на мыльный пузырь, готовый лопнуть в любой миг.

– Ужасно смешной, – сказала Марина. – Но будет еще смешнее, если он войдет в наше кафе...

– И лопнет от злости здесь, – добавил художник. – Чтобы этого не произошло, нам нужно что-то предпринять. Мы должны стать миссионерами по борьбе с вселенским злом и...

Колокольчик над дверью звякнул, и толстяк ввалился в кафе. Плюхнулся за ближайший столик и весьма писклявым голосом проговорил:

– Бонжур, мадмуазель. Бонжур, мосье.

Художник кивнул и отвернулся к окну, чтобы не рассмеяться в лицо толстяку. Марина подошла к нему.

– Рада видеть вас, мосье. Что закажете?

– Я буду кофе, кофе и еще раз кофе, – пропищал толстяк. – Сегодня не день, а сплошной кошмар. Никогда еще у меня так скверно все не начиналось.

– Простите, – перебила его Марина, стараясь говорить как можно любезнее. – Так вам три кофе или один?

– Что? – толстяк побагровел. Марина повторила свой вопрос. На лице толстяка отразилось подобие улыбки. – Конечно же, одну чашечку, мадмуазель, но самую большую, какая у вас есть. А что-нибудь перекусить у вас найдется?

– Да. У нас очень вкусные фирменные булочки. Таких вы нигде больше не попробуете.

– Тогда две, нет четыре, нет, – толстяк промокнул платком свой красный лоб. – Возьму пока две для пробы.

Пока Марина готовила кофе, толстяк продолжал сетовать на свое кошмарное утро. По-видимому, ему просто надо было выговориться.

– Утром произошло короткое замыкание. В метро мне оторвали пуговицу. Какая-то безумная старуха стукнула меня сумкой... Я вышел на улицу и попал под дождь...

– Разве сегодня был дождь? – удивился художник.

– Был. Да еще какой сильный. Я промок до нитки, – доверительно сообщил толстяк.

Он оживился, поняв, что его слушают, что он говорил не в пустоту. Марина поставила перед ним ароматный кофе и две румяные булочки, пожелала приятного аппетита. Толстяк повеселел. Аппетит у него был отменный. Булочки исчезли в мгновение ока.

– Благодарю вас за кофе, мадмуазель Марина. Мне пора. Продолжим наш разговор в другой раз, – художник встал и пошел к выходу. У столика толстяка он остановился, улыбаясь, сказал:

– Пусть ваш день, мосье, будет более радостным, чем хмурое, дождливое утро. Улыбайтесь чаще. Помните, что озлобленный человек – хорошая мишень для стрессов и болезней. Желаю удачи.

– И вам удачи, мосье, – пискнул толстяк. – Мне понравился ваш кофе, мадмуазель. А тот мосье...

– Жак, – подсказала Марина.

– Мосье Жак меня к жизни вернул. Как мудро он подметил: озлобленный человек – хорошая мишень для стрессов! Да, уж... – поднялся. – Непременно зайду к вам завтра утром.

– Буду вас ждать, мосье...

– Поль, – представился толстяк, протянув Марине большую упругую ладонь. – До завтра...

Колокольчик над дверью весело позвякивал целый день то впуская, то выпуская посетителей, которых сегодня было хоть отбавляй. Почти перед самым закрытием заглянул мосье Жак и сообщил, что сегодня день был удачным как никогда. Он продал почти все свои акварели, получил заказ на большую картину и на несколько портретов.

– А день был таким удачным, потому что с утра я побывал в вашем кафе, – закончил он свой рассказ. – Вы приносите удачу, моя дорогая мадмуазель!

– Спасибо, – ответила Марина. – Но ведь и благодаря вам у меня сегодня не было отбоя от посетителей. Даже наш толстяк, мосье Поль, ушел совершенно другим человеком.

– Значит, свою миссию мы с вами выполнили достойно! – подмигнул ей художник. – До завтра.

Марина закрыла кафе, пошла по бульвару к площади Пигаль. Она любила этот бульвар с его цветущими каштанами и сверкающими витринами. Любила сидеть на одной из лавочек на Пляс Пигаль.

Что-то необъяснимое влекло Марину сюда каждый вечер. Она запрокидывала голову и смотрела на темнеющее небо, на появляющиеся тут и там звезды. В эти минуты Марине казалось, что она умеет летать. Что достаточно ей прошептать: «Я сейчас полечу!», и полет начнется. Но Марина не решалась произносить заветные слова. Она боялась заблудиться в бесконечной сверкающей звездной бездне, поэтому просто смотрела на темнеющее небо, на желтую луну, которая улыбалась ей своей холодной лунной улыбкой.

– Добрый вечер, – знакомый голос нарушил тишину. Марина увидела Раймона, смутилась, вспомнив, что он назначил ей встречу именно здесь.

– Вы про меня забыли, – Раймон присел рядом с ней. – Это все пустяки. Главное, что про нашу встречу помню я.

Он протянул Марине большую белую розу.

– Спасибо, – Марина прижала цветок к лицу.

– Я не знал, какой цвет вы предпочитаете, поэтому выбрал белый.

– Я люблю все цвета, – Марина улыбнулась.

– Рад, что вы меня больше не боитесь, – Раймон положил руку на спинку скамьи.

– С чего вы взяли, что я вас боялась? – спросила Марина и выпрямила спину так, чтобы рука Раймона не касалась ее.

– Неизвестность всегда пугает людей, – пояснил он, глядя на звезды. – Неизвестность... А когда все уже известно, нам становится скучно... – посмотрел на Марину. – Вы хотели бы совершить полет в бездну?

Марина пожала плечами. Ей показалось, что Раймон умеет читать мысли. Что он знает обо всех ее страхах и сомнениях. И пришел он сюда не просто так, а чтобы научить ее летать. Марина прижала розу к губам, чтобы ничего не сказать. На белых лепестках остался след от помады.

– Вижу, что вы боитесь... Боитесь заблудиться там, среди звезд. Боитесь остаться там навсегда, поэтому не отвечаете на мой вопрос... А если вы будете не одна?

Марина еще крепче прижала розу к губам.

– Ладно. Закончим разговор на эту тему, – Раймон улыбнулся, взял Марину за руку. – Я же хотел вам рассказать про Эдит Пиаф... Хотите, пойдем в кафе?

Марина отрицательно покачала головой. Ей совершенно не хотелось видеть людей, что-то есть или пить. Ей было приятно просто сидеть здесь на Пляс Пигаль и слушать непонятные, завораживающие и одновременно пугающие речи Раймона.

– Значит, наше первое свидание пройдет под звездным небом. Что ж, это весьма романтично, – сказал Раймон. – Представьте, когда-нибудь напишут так: «Они сидели, прижавшись друг к другу, и звезды ярко сияли над их головами. Ничто не нарушало идиллию. Только луна укоризненно кривила рот, задавая вопрос:

– Вам что, некуда пойти, молодые люди, или же вы ужасно боитесь друг друга?

А они не боялись, им просто хотелось дышать воздухом Парижа, который иностранцы увозят с собой в прозрачных бутылочках, залитых сургучом...

– Вы писатель?

– Нет, я романтик. Я фантазер, неутомимый искатель приключений. А кто вы? – он посмотрел в карие Мариныны глаза.

– Мне нечем похвастаться, – смущенно ответила она. – Я мечтаю больше о земном... Иногда хочется летать. Я даже чувствую состояние невесомости, но... это бывает крайне редко.

– А о море вы мечтаете?

– Скорее нет, чем да.

– Почему? – удивился Раймон. Вопрос его прозвучал чересчур громко и резко. Марина напряглась. – Неужели вы не любите море?

– Я просто никогда не видела море. Ни-ког-да.

– Чтоо-оо-о? – Раймон вскочил и уставился на Марину сверху вниз. – Вы...

– Да, да, да, я никогда не видела море, – в ее голосе послышались нотки раздражения. – Я даже знаю, что вы сейчас собираетесь мне сказать. Жить недалеко от моря и ни разу не намочить ноги в соленой воде – это верх безумия. Я уже слышала подобные речи сотни раз. Так что вы не будете оригинальным, мосье.

– Пожалуй, буду, – сказал Раймон. – Я бы сказал, это не безумие, а беспробудная лень и глупость...

– Вот как! – Марина вскочила и выпалила Раймону в лицо:

– Можете считать, что мы встретились здесь случайно и совершенно напрасно завели никому не нужный разговор. Вам, такому эрудированному искателю приключений, незачем было вообще заговаривать с такой девушкой, как я. Спасибо за чудесно испорченный вечер, мосье болван.

Марина развернулась и ушла, оставив на скамье белую розу...

Колокольчик над входной дверью весело зазвенел. Марина вышла встретить первого посетителя. На пороге стоял Раймон, прижимая к губам белую розу, и улыбался.

– Доброе утро, мадмуазель! – растягивая слова, проговорил он.

– Доброе утро, мосье, что вам угодно? – сухо спросила Марина.

– Вы злитесь, а вам это совсем не идет, – Раймон улыбнулся. На щеках появились ямочки, которые сегодня просто взбесили Марину. Она отвернулась.

– Я буду крепкий кофе, – сказал Раймон, усаживаясь за столик.

Колокольчик весело звякнул, сообщая о новом посетителе.

– Бонжур, мадмуазель Марина. Я сегодня специально встал чуть раньше, чтобы зайти к вам, – радостно сообщил толстяк, появившись на пороге. Сегодня он выглядел элегантнее, и даже лысина не была такой мокрой и красной, как вчера.

– Доброе утро, мосье Поль. Вам большой кофе и две булочки? – спросила Марина, приветливо улыбнувшись.

– Нет, сегодня я, пожалуй, съем четыре булочки, – сказал толстяк и плюхнулся за свой столик.

– Мосье, вы еще не пробовали здесь фирменные булочки? – спросил Поль у Раймона. Раймон отрицательно покачал головой. – Обязательно попробуйте. Настоятельно вам рекомендую. Таких булочек нигде во всем Париже не сыскать. Уж поверьте опыту старого гурмана.

– Благодарю за совет, – сказал Раймон и отвернулся.

Марина ужасно нервничала из-за того, что красавец Раймон торчит в кафе и не собирается уходить. Она сердилась на посетителей, которых как назло было больше, чем всегда. Марине приходилось то и дело проходить мимо Раймона. Каждой клеточкой тела она чувствовала, его внимательный взгляд, и от этого становилась совершенно неуклюжей.

Наконец, она не выдержала и резко спросила у Раймона:

– Вы долго еще будете здесь торчать, мосье? – он посмотрел на нее снизу вверх своими голубыми глазами, в которых отражалось небо, цветущие каштаны и еще что-то неуловимое,

и смущенно улыбнулся. Марине стало стыдно за свою озлобленность. Она опустила глаза и повернулась, чтобы уйти. Но Раймон взял ее за руку и достаточно громко сказал:

– Я буду торчать здесь до тех пор, пока не получу прощения. Вчера я вас совсем не хотел обижать. Я должен был вам рассказать про Эдит Пиаф, а все получилось совсем по-другому, – он улыбался, на щеках появлялись ямочки, которые теперь показались Марине каким-то знаком.

Улыбка Раймона обладала особым магнетизмом. Марина почувствовала, как внутри что-то затрепетало, зазвенело, по телу разлилась такая сладкая истома, что Марина испугалась. Она давно не испытывала подобных чувств. После того, как они расстались с Марселем, расстались поспешно, со скандалом и слезами, Марина приказала себе ни в кого больше не влюбляться, вести жизнь аскета. А эта томящая истома напомнила ей, что она женщина, что ничто человеческое ей не чуждо, что она очень рада присутствию Раймона, что... Марина сделала шаг назад, не желая даже самой себе признаваться в том, что готова влюбиться в Раймона.

В кафе стояла такая невыносимая тишина, что слышно было тиканье часов, висящих в подсобной комнатке. Казалось, все посетители ждут, что же сейчас ответит Марина, как она себя поведет. Марина готова была провалиться сквозь землю, потому что она не знала, что делать, что сказать Раймону. Все слова застряли у нее где-то глубоко и никак не хотели вырываться наружу. Вчера она бы все ему высказала в порыве гнева. Но вчера он даже не подумал догнать ее. Он пришел сегодня, чтобы выставить ее на посмеище... Раймон поднялся и, протянув ей белую розу с отпечатком губной помады, сказал:

– Я не мог оставить ваш поцелуй там, на Пляс Пигаль.

– Почему же вы не догнали меня вчера? – спросила Марина.

– Я дал вам время остыть, – ответил он, глядя ей в глаза.

– Вот как? Значит...

– Значит, я буду ждать вас вечером на том же месте, мадмуазель, – Раймон поклонился и вышел. А Марина осталась в своем кафе с белой розой в руках...

Раймон уже сидел на скамейке, когда подошла Марина. Она села рядом с ним и, глядя куда-то в сторону, скороговоркой выпалила:

– Только, пожалуйста, ничего не воображайте. Я могла бы пройти мимо. Но это было бы смешно, поэтому я решила подойти к вам...

– Ваш взгляд напоминает взгляд разъяренной львицы, готовой растерзать свою жертву, – проговорил Раймон. – Вы злитесь, не понимая того, что уже влюблены.

– Это уж слишком! Вы... – Марина хотела встать и уйти, но Раймон крепко сжал ее руку, сказал:

– Она родилась на улице Бельвиль под фонарем против дома семьдесят два. Да и где еще могла появиться на свет дочь уличного артиста? Роды принимал полицейский и случайные прохожие...

Марина невольно перевела взгляд туда, куда смотрел Раймон. Ей представилось, что в темном переулочке лежит на земле маленькая женщина, над которой склонился огромный полицейский. Почему-то Марина подумала, что мосье Поль мог бы сыграть роль полицейского, который присутствовал при рождении ребенка. Эта мысль развеселила Марину. Она даже забыла, что минуту назад злилась на Раймона, что хотела уйти прочь.

– Мы назовем малышку Эдит. С таким именем она не останется незамеченной, – звучал голос Раймона. А Марине казалось, что она видит картинки далекого прошлого, слышит голоса людей, которые были непосредственными участниками тех далеких событий.

Мать отдала девочку своим родителям. А у них были особые взгляды на воспитание младенцев. Они считали, что красное вино просто необходимо добавлять в молоко, чтобы

девочка выросла крепкой и здоровой. Они никогда не мыли малышку, считая, что «всякая зараза» боится грязи. Бабушка с дедушкой так любили девочку, что даже не заметили ее слепоты.

– Не может быть! – вскрикнула Марина и сжала руку Раймона. Он посмотрел в ее испуганные глаза, улыбнулся.

– Да-да, Эдит поначалу практически ничего не видела. Чудо спасло малышку, поэтому вера в чудеса сопровождала ее всю жизнь. Отец Эдит – Луи Гассьон, вернувшись с первой мировой войны, немедленно забрал дочку и отвез ее к своей матери в очень теплое место... Вы знаете куда?

– Нет, – честно призналась Марина.

– Ну, я думаю, что об этом знают все в Париже.

– Раймон, не томите, я этого факта из биографии Эдит не знаю.

– Вы весьма любопытны.

– Не любопытнее вас, – парировала Марина. – Разве не любопытство заставило вас все так подробно узнавать про Пиаф?

– Сдаюсь, – Раймон рассмеялся. – Вы весьма агрессивная мадмуазель. Чуть что, сразу выпускаете коготки. – Марина попыталась встать, но Раймон удержал ее. – Отец отвез Эдит в публичный дом...

– Чтоо-о-оо?

– Все очень просто, – пояснил Раймон. – Мать Луи Гассьона содержала бордель. Малышку Эдит полюбили все девушки. Ее отмыли, накормили, одели, подарили ей кучу игрушек и кукол. Но никакие лекарства не могли вернуть девочке зрение.

Тогда бабушка пошла к святой Терезе из Лизье, которой поклонялись все обитатели борделя, и пообещала пожертвовать десять тысяч франков церкви, если девочка прозреет. Напомню, что в 1921 году это были очень большие деньги. Это было целое состояние. Но ради любимой Эдит бабушка была готова на все. Она очень хотела, чтобы внучка видела красочный мир, чтобы наслаждалась жизнью сполна. О чуде молились все девушки борделя. Чуда ждали 25 августа в день святого Людовика, в день рождения Луи Гассьона – отца Эдит. С раннего утра девушки заглядывали малышке в глаза. Но она по прежнему ничего и никого не видела. Разочарование было всеобщим. В чудеса больше никто в борделе не верил.

– Это очень грустно, когда люди перестают верить в чудеса, – вздохнула Марина.

– Вы правы. В чудеса надо верить, потому что чудо все же произошло, – сообщил Раймон. – Малышку нашли вечером у пианино. Она перебирала клавиши и восторженно шептала: «Как красиво!» Девушки даже не сразу поняли, что Эдит восхищается черно-белыми клавишами. А, когда поняли, то ликовали очень долго. Еще бы, ведь произошло ЧУДО! Эдит прозрела, когда ей исполнилось семь лет.

Ее сразу же отдали в школу. Счастью и восторгам не было предела, но счастье длилось всего лишь год. Только год Эдит была обыкновенным ребенком...

– Почему?

– Потому что, вернувшийся из скитаний, отец Эдит решил, что бордель не место для «невинной души» и забрал дочку с собой. Эдит лишилась не только крыши над головой, но и материнской опеки. Целых семь лет отец таскал ее по улицам и кабакам. Он был бродячим акробатом, а она собирала деньги. Однажды Эдит запела. «У этой девочки все в горле и ничего в руках», – сказал Луи Гассьон. Эти слова стали пророческими. Эдит поняла, что должна петь. Она ушла от отца, забрав сестру Симону, которая была младше на три года. Девочки организовали свою первую труппу. Они пели на Елисейских полях, в Пасси, в рабочих кварталах. Уличная жизнь затягивала их все глубже и глубже. Даже потом, став известной, Эдит любила петь на улице, подняв голову к небесам. Она «выходила в народ», а народ

смеялся над глупой чудачкой, которая пытается пародировать «САМУ ПИАФ!» Никому и в голову не приходило, что это сама Пиаф и есть.

– А вы бы поверили, что несравненная Эдит Пиаф поет здесь на Монмартре? – спросила Марина.

– Трудно сказать, – ответил Раймон. – Я не жил тогда, когда Эдит не на что было похоронить своего ребенка малышку Марсель. Девочка умерла от менингита. Эдит собрала последние деньги, но ей не хватало десяти франков. Тогда она вышла на бульвар Шапель и запела. К ней подошел богатый господин и спросил, зачем она собирает деньги таким способом. Эдит все ему рассказала. Он дал ей денег и ушел. Больше у Эдит никогда не было детей...

– Грустно, – Марина вздохнула. – Почему все так устроено? Почему мы непременно должны проходить через страдания?

– Чтобы научиться ценить каждый миг своей жизни. Чтобы уметь радоваться всему: солнцу, дождю, ветру, деревьям, случайному прохожему. Чтобы научиться делать добро просто так, не ожидая похвалы или вознаграждения. Спешить на помощь тем, кто в беде. И не замысливать зла. Зло материально. Каждое слово материально. Но, в конечном итоге, все задуманное и сделанное нами плохое обернется против нас же самих, – с горячностью пояснил Раймон.

– У вас философский взгляд на жизнь. Вам ведь не больше тридцати...

– Двадцать пять. И у меня не так уж много времени, чтобы стать мудрее, чище, лучше.

– Но ведь двадцать пять – это только начало жизни. Почему же вы говорите, что у вас мало времени? – удивилась Марина.

– Потому что, милая моя, никто не знает точно, сколько времени он проживет на этой земле: девяносто семь лет, как мой дед, или два года, как малышка Марсель. Нам нельзя тратить время на зло и распри. Нам надо делать добро. Не отвечать злом на зло, ругательством на ругательство, не завидовать, не желать чужого, а быть довольными тем, что есть. Но мы, к сожалению, этого не делаем. Мы заражены жаждой наживы. Мы лицемерим, обманываем, спорим, строим коварные планы, раздражаемся, ищем выгоды во всем, ничего не делаем просто так. Мы не умеем слушать, считаем свое мнение самым правильным и забываем о том, что всегда есть люди, которые знают больше. Такие люди скромны и интеллигентны. Они не кричат, не лезут напролом. Они говорят всегда мало и всегда в самую точку. Они умеют выслушать других и понять их. Но именно поэтому злые, бесчестные, завистливые люди и обманщики пытаются унижить добрых людей. Им доставляет удовольствие делать зло. Они преуспевают в нем и не желают знать, что за нами наблюдает Господь. Ему дадут ответ в день суда и добрые, и злые, – Раймон посмотрел на Марину, спросил:

– Лучше ведь отвечать за добрые, хорошие слова и поступки, чем за плохие?

– Да, – ответила Марина.

Раймон прикрыл глаза и негромко запел «Жизнь в розовом свете».

– Эту песню Эдит написала для своей подруги Марианны Мишель. А потом не удержалась и стала петь ее на своих концертах, – сказала Марина, когда Раймон открыл глаза.

– Да, это так. «Жизнь в розовом свете» одна из любимых песен Эдит. Теперь, Марина, ваша очередь продолжить рассказ, а я буду не менее внимательным слушателем.

– Начну с того, что немолодой уже господин Луи Лепле, хозяин кабаре «Жернис», предложил Эдит выступать у него. Он сказал ей...

– Эдит Джованна Гассьон – такое имя совершенно не годится для сцены. Нет, нет, не годится. Мы должны придумать новое имя, которое принесет тебе известность. А что, если мы будем звать тебя... Пиаф – воробышек? Да, решено! Пиаф, Пиаф, малышка Пиаф! Никто не скажет, что ты долговязая Пиаф. Именно малышка, воробышек. Все, решено, ты станешь воробышком, голос которого услышит весь Париж!

– Э-Д-И-Т П-И-А-Ф! Мне нравится мое новое имя.

– Но ты должна запомнить одно важнейшее правило, мой воробышек. Никогда не угождай зрителю. Великий секрет заключается в том, чтобы быть собой всегда! Всегда!

– Всегда, – повторила Эдит. – Тогда я выйду на сцену в черном вязаном платье без одного рукава. А голую руку прикрою фиолетовым шарфом.

– А куда денется твой второй рукав? – поинтересовался Лепле.

– Его просто у меня нет. У меня нет больше шерсти, чтобы связать второй рукав, – ответила Эдит.

– Вот как? – Лепле ее ответ понравился. – Это прекрасно, Пиаф, у тебя сразу будет свой стиль. Ты поселишься в гостинице Бельвиль здесь, на Пляс Пигаль...

Марина замолчала.

– Я знаю, знаю, о чем вы сейчас подумали, – сказал Раймон. – Что в жизни Эдит важную роль сыграл Раймон... Именно Раймон Ассо научил ее грамотно писать и создал «стиль Эдит», основываясь на многочисленных историях из ее прошлого. Он писал для нее песни. Он заполучил для нее контракт в «АВС» – самом большом мюзик-холле на Больших бульварах... Уже после войны Эдит Пиаф стала петь в «Мулен Руж». А попав на гастроли в Афины, Эдит поняла, что на земле есть не только Сакре-Кёр...

– Я подумала совсем о другом, – Марина вздохнула.

– О том, что период Раймона Ассо быстро закончился? – спросил Раймон, положив руку на скамью.

– Нет. Я подумала о том, что Эдит всегда была в состоянии влюбленности. Любовь нужна была ей, как воздух, как... – Марина улыбнулась.

– Интересно, продолжайте, мадмуазель, я весь внимание...

– Я читала, что встретив нового избранника, Эдит всегда восклицала: «Какие у него глаза, совершенно голубые!» это означало, что она влюблена. Каждому своему мужчине она непременно дарила голубой костюм. Однажды все ее бывшие любовники пришли на вечеринку в одинаковых костюмах. Кто-то пошутил, что у Эдит целая футбольная команда. А она рассмеялась: «Я не слишком ломала себе голову, выбирая подарки!»

– Жаль, что мой темно-синий костюм мне подарила не Эдит Пиаф, – сказал Раймон. – Я купил его себе сам у... Впрочем, это совсем неважно, у кого я его купил. Думаю, Пиаф бы меня похвалила. Я бы ей понравился. А вам?

Марина смутилась. Раймон встал.

– Знаете, что... Я должен вас проводить. Уже поздно.

– Уже? – вырвалось у Марины. Она почувствовала, как краска стыда залила лицо. Ей совсем не хотелось расставаться с Раймоном. Ей хотелось еще говорить про Эдит Пиаф, про всех её мужчин: Ива Монтана, Шарля Азнавура, Луи Барье, Жака Пилса, Тео Сарапо и Марсея Сердана, единственного мужчину, которого по настоящему любила Эдит.

Марина посмотрела на Раймона и подумала:

– Неужели я уже увлечена этим голубоглазым красавцем? Нет, не может быть. Еще вчера я готова была растерзать его. Я сочинила целую обвинительную речь в его адрес. А сегодня краснею от слова «любовь», которое никто не произносил, которое промелькнуло в моей голове...

Марина встала. Черные волосы рассыпались по плечам.

– Вперед, – скомандовала она скорее себе, чем Раймону, и пошла прочь от площади Пигаль.

Всю дорогу они молчали. Она шла чуть впереди, он чуть сзади. Со стороны казалось, что это случайные прохожие, которые просто оказались на одной улице в одно и то же время.

– Я живу здесь, – сухо сказала Марина, остановившись у своего дома. – Спасибо за вечер.

– Пожалуйста, – Раймон протянул ей розу. – Вы опять забыли на Пляс Пигаль свой поцелуй.

– Благодарю, – Марина улыбнулась.

– Я завтра загляну к вам в кафе, чтобы выпить чашечку кофе и слопать четыре, нет шесть булочек, – надув щеки, сказал Раймон.

Марина рассмеялась. Раймон порывисто обнял ее и крепко поцеловал в губы.

– Ах, Раймон, зачем вы так спешите? – растерянно проговорила Марина, отстраняясь от него. – Вы все испортили своей поспешностью.

– Нет. Я сделал все так, как надо. Вы это скоро поймете и оцените, – сказал он и ушел.

Утром Раймон ждал Марину у дверей кафе. Протянул ей белую розу, поцеловал в щеку, как старую знакомую, сказал:

– Я приглашаю тебя сегодня в наш клуб аквалангистов, который находится в Аквабульваре на улице Луи Армана. Вот приглашение. Буду ждать. До встречи...

Раймон исчез в людском потоке так быстро, что Марина ничего не смогла ответить. Она стояла у дверей кафе и растерянно смотрела вдаль.

– Доброе утро, мадмуазель Марина, – вывел ее из задумчивости голос мосье Жака. – С вас сегодня можно портрет писать.

– Да, да я сейчас открою, извините за задержку, – невпопад ответила Марина.

Художник рассмеялся, по-отечески погладив Марину по голове, шепнул:

– Ваш новый знакомый очень милый молодой человек. В нем есть что-то притягательное. У него светлая душа.

– Откуда вы знаете? – удивилась Марина.

– У меня чутье на хороших и плохих людей. Я же художник. Я привык подмечать скрытое, находить зерно...

– Но вы же видели его мельком.

– Это вам так показалось, – усмехнулся мосье Жак. – Я видел его в кафе вчера. А сегодня я видел, как он выбирал вот эту розу. Поверьте мне, он выбрал для вас самый лучший и самый дорогой цветок. А то, что она белого цвета, вам ни о чем не говорит? – Марина пожала плечами. – Милая девушка, этот цвет говорит о невинности, целомудрии и чистоте... открывайте скорее двери, вон бежит наш Поль. Он не потерпит временных задержек. Не забывайте, что он только что выбрался из подземного царства, где проживают монстры.

Марина рассмеялась и распахнула двери кафе.

– Бонжур, мадмуазель Марина. Бонжур мосье Жак, – пропел мосье Поль, усаживаясь за свой столик.

– Вам как всегда большой кофе и четыре булочки? – поинтересовалась Марина.

– Нет, сегодня я возьму шесть, – потирая руки, сообщил Поль.

– Вы рискуете набрать лишний вес, – пожурил его художник.

– Не волнуйтесь, – хитро улыбнулся толстяк. – Эти булочки я хочу отнести Кэролайн. Она не верит, что они лучше булочек из «Альзаса» на Елисейских полях. Мы с ней поспорили.

– О, тогда положите для Кэролайн четыре булочки, – попросил мосье Жак. – Вы, уважаемый мосье Поль, можете считать себя победителем. Ваша жена непременно поймет, что вы были правы.

– Мы с Кэролайн еще не женаты, – покраснев, ответил Поль.

– О, считайте, что она уже ваша жена, – развеселился художник. – Ведь если человек знает толк в булочках, то он наверняка будет самым лучшим семьянином. Вы ей так и скажите, что знаменитый мосье Жак, художник с Монмартра, считает вас самым лучшим

ценителем булочек Сакре-Кёр. А еще лучше, приводите Кэролайн сюда. Вы будете уплетать булочки, а я напишу ваш портрет. Согласны?

– Вы не шутите? – лысина мосье Поля покрылась крупными каплями пота.

– Я? – художник поднялся и, приложив руку к сердцу, торжественным голосом сказал:

– Слово чести художника! Я напишу ваш совместный портрет.

– Мне тоже будет очень приятно увидеть вашу невесту, – сказала Марина, подавая толстяку кофе.

– Правда? – мосье Поль стал похож на маленького ребенка, который вот-вот расплачется от счастья.

– Мосье Поль, вы можете считать нас своими союзниками, – воскликнул художник.

– Мерси, – слегка наклонив голову, проговорил мосье Поль. Он с ловкостью фокусника извлек из кармана свой огромный платок и промокнул лысину.

Колокольчик над дверью радостно зазвенел, сообщая, что начался новый рабочий день.

Весь день Марина только и думала о предстоящем походе в клуб аквалангистов. Ей просто не терпелось попасть туда, чтобы побольше узнать о пристрастиях Раймона. Она еле дождалась, когда уйдет последний посетитель. Закрыла кафе и побежала в метро, слегка пожурив себя за излишнюю поспешность. Но идти медленней она просто не могла. Ей хотелось поскорее сменить обстановку. Целый месяц она не была нигде, кроме кафе и своей небольшой квартирки на Монмартре.

У Лили, с которой они подменяли друг друга в кафе, заболел отец, и она уехала в Оксер, небольшой городок на берегу реки Иоанны, чтобы ухаживать за ним. Подумав о Лили, Марина улыбнулась. Она вспомнила, с какой гордостью Лили говорила про свой город, про реку Иоанну, которая по словам Лили могла бы протекать под мостами Парижа, если бы захотела.

– В нашем Оксере Сена такая узкая, что возникают сомнения, кто главнее: полноводная Иоанна, которая впадает в узенькую Сену, или же это узкая Сена впадает в полноводную Иоанну. А если это так, то именно Иоанна должна устремляться в Париж и гордо бежать к Ла-Маншу, – заявила как-то Лили. – Я люблю Оксер. Это исторический город. В двенадцатом веке знатные парижане нанимали кормилиц для своих детей именно в Оксере. Кормилицы на молочные деньги покупали дорогие фермы. Вот на одной из таких ферм я и родилась.

Лили была крупной розовощекой девушкой. Она действительно больше напоминала крестьянку, чем мадмуазель, живущую в Париже. Марина и Лили были совершенно разными. Но эта непохожесть и заставляла их трепетно относиться друг к другу. Когда у Лили заболел отец, Марина, ни минуты не раздумывая, согласилась отпустить подругу.

– Милая моя, я тоже выручу тебя, – твердила Лили перед отъездом. Она обнимала Марину, оставляя на ее белой блузе мокрые следы от слез.

Лили обещала вернуться через неделю. Но прошел уже целый месяц. Только сейчас Марина поняла, что устала, что с большим удовольствием повалялась бы на диване, перелистывая журналы. Посещение клуба аквалангистов тоже неплохое развлечение. Спасибо Раймону.

Приключения в Аквабульваре начались с первых же минут. Марина вошла в просторный, сверкающий зал и чуть было не рухнула в воду. Её остановили два больших кислородных баллона, стоящие на краю бассейна. Едва Марина перевела дух, как прямо перед ней появился из-под воды аквалангист. Он помахал Марине рукой и шлепнулся обратно в воду, обдав её фонтаном брызг. Марина возмущенно вскрикнула, попятилась и попала в чьи-то крепкие объятия, высвободиться из которых было невозможно.

– Пустите же. Мне больно, – потребовала Марина.

– Простите, что напугал вас, мадмуазель. Меня зовут Шарль. А вы, по-видимому, Марина, – сказал незнакомец, протянув ей крепкую, большую руку.

– Да, я – Марина. Рада знакомству, Шарль.

– Раймон появится с минуты на минуту. Он поручил мне развлекать вас. Хотите кофе?

– Нет, спасибо.

– А бокал вина? – хитро улыбнулся Шарль. Марина пожала плечами. – Значит, будем пить вино. Пойдемте, я покажу вам, где можно остаться сухой в нашем водном пространстве.

Шарль взял ее за руку и повел за собой. Они поднялись на большой прозрачный балкон.

– Не бойтесь, здесь все прочно, – рассмеялся Шарль, видя, как нерешительно Марина ступает на прозрачный пол. – Вы можете идти по резиновым дорожкам, чтобы не было так страшно. Мы привыкли к этой прозрачности и уже не обращаем на нее внимания. Усаживайтесь на этот диван и наблюдайте за всем, что происходит в бассейне. А я пока налью вина. Красного, белого или розового?

– Розового, – ответила Марина, удобно устроившись на диване.

Она увидела внизу под водой двух аквалангистов, которые выделяли непонятные пируэты, похожие на танцевальные па. Движения аквалангистов были четкими, выверенными до мелочей. Марина залюбовалась и совсем забыла про Шарля, про вино, про то, что скоро должен появиться Раймон. Она просто смотрела сквозь прозрачный балкон на красивый подводный танец, танец любви.

– Раймон любит танцевать под водой, – сказал Шарль, усаживаясь рядом с Мариной.

– Раймон? – удивилась Марина, не отрывая взгляда от воды.

– Да. Неужели вы его не узнали?

– Нет, – Марина покачала головой.

– Но вы, конечно же, в курсе, что это его дайв клуб.

– Нет, – Марина повернула голову. – Я ничего не знаю о Раймоне, потому что мы знакомы всего два дня.

– Вот как? – Шарль почесал затылок. – Я даже растерялся от вашей откровенности. Простите, но я совсем не умею вести себя с дамами.

– Вы не похожи на нерешительного человека, Шарль. К тому же там, у воды вы меня обнимали очень крепко, – Марина улыбнулась.

– Ах, это... – Шарль взял ее за руку. – Это Раймон попросил вас опекать. Он замечательный человек. Я знаю его с детства. Мы с ним, как братья. И в горе и радости вместе. Недавно у Раймона умер дедушка. Раймон очень любил старика, сильно переживал из-за этой утраты. Я даже стал опасаться за его психику. Раймон неустанно твердил, что дед велел ему разыскать какую-то русскую девушку по имени Марина... Но вот появляетесь вы, и...

– Я француженка, – сказала Марина.

– Француженка с русским именем. Почему вас так называли?

– Не отвечайте ему, – крикнул кто-то. Марина вздрогнула. – Ничего ему не говорите...

Марина высвободила руку из крепких рук Шарля, посмотрела на воду. Аквалангисты уже выбрались наружу. Раймон помогал девушке снять акваланг. Он что-то тихо объяснял ей и совсем не обращал внимания на Марину. Но едва Марина повернула голову к Шарлю, Раймон громко крикнул:

– Ни-че-го ему не го-во-ри. Он плут.

– От Раймона спрятаться нельзя. Ладно, объясню вам его странное поведение, – сказал Шарль, рассмеявшись. – Дело в том, что я профессиональный журналист. Я собираю всякие жизненные истории. Меня, к примеру, называли Шарлем, потому что моя мама обожает певца Шарля Азнавура. У Раймона дедушку звали Роман. А через поколение получился из Романа Раймон. А вас, наверное, называли в честь Марины Влади?

– Нет. У меня...

– Ни-че-го ему не го-во-ри, – сказал Раймон, зажав Марине рот. Она даже не заметила, как он поднялся к ним на балкон. – А ты, старый писака, узнаешь все только тогда, когда я сочту это нужным, понял?

– Бедный юноша верит, что так и будет, – сказал Шарль и показал Раймону язык. Тот строго посмотрел на друга, сказал, обращаясь к Марине:

– Надеюсь, Шарль вас не утомил. И у вас остались силы на то, чтобы посмотреть на снаряжение аквалангистов.

– Марина, Раймон не только бедный юноша, но еще и фанатик, помешанный на море. Поэтому советую быть с ним поосторожнее, – предупредил ее Шарль.

– Я вовсе не бедный, – парировал Раймон. – А мое морское помешательство, действительно, заразное. И вы – господин зануда, больны этой болезнью столько же лет, сколько и я.

– Я сейчас волнуюсь не за себя, мой мальчик, а за Марину, – Шарль сделал невинные глазки. – Может быть, ей совсем не захочется заражаться. Мы должны ее предупредить, предостеречь. Марина, вы находитесь в обществе людей, одержимых морем, которые не мыслят жизни без подводных красот. И если бы у них были жабры...

– Ни слова больше, господин болтун, – прервал его Раймон. – Наша русалка о море не имеет не малейшего представления.

– Хорошая шутка, пять баллов! – воскликнул Шарль.

– Это не шутка, – Марина вздохнула.

– Тогда вы счастливый человек. Вы сможете познакомиться с морем и полюбить его, – Шарль заговорил с жаром. – Вы попали в нужную компанию, мадмуазель. – Уж мы-то вам расскажем о подводном царстве все, что знаем.

– Господин журналист, мы в ваших услугах больше не нуждаемся, – строго сказал Раймон. – Можно нам остаться наедине?

– Рад был познакомиться с вами, мадмуазель. Всегда приятно видеть русалку, ничего не знающую о море, – Шарль низко поклонился и ушел.

– Это правда ваш клуб? – поинтересовалась Марина, когда они остались одни.

– Ну и болтун же этот Шарль, – Раймон взял ее за руку. – Этот клуб основал мой дед. Я здесь работаю инструктором, по обучению аквалангистов. Вы бы хотели научиться нырять?

– Да, – ответила она. – Но я очень плохо плаваю. Можно даже сказать, что я не умею плавать.

– Это не страшно, если очень, очень захотеть, то можно научиться всему на свете. Учат же зверей в цирке. А мы с вами люди разумные.

– А вы научите меня танцевать под водой? – с надеждой спросила Марина.

– Обязательно, – Раймон обнял ее и закружил. Марине показалось, что земля ушла у нее из-под ног. Что они танцуют там, под водой. А вокруг снуют разноцветные рыбки. И словно цветы распускаются тут и там медузы.

Может быть, именно в этот день Марина поняла, что влюблена в море. Она еще не видела его, ничего не знала о нем, но уже понимала, что море стало ее неотъемлемой частичкой.

Утром Марина Жюли уже была не просто француженкой с русским именем. Она была русалкой, влюбленной в море. Все люди теперь ей казались похожими на рыб. Одни были яркие, добрые, веселые и совершенно безобидные. Другие, наоборот, были серыми, злыми и опасными.

– Бонжур, мадмуазель Марина, – услышала она приветствие мосье Жака.

Марина еле сдержалась, чтобы не расцеловать седого художника, так она была счастлива его видеть. Ей захотелось рассказать художнику о том, что с ней произошло вчера в клубе аквалангистов, но звякнул колокольчик. В дверях появился мосье Поль. Он немного

потоптался на пороге, потом, пробубнив: «Вот!», подтолкнул вперед очаровательную толстушку. Она, пропела: «Бонжур!» и плюхнулась за тот самый столик, где всегда сидел Поль.

– Вот, – смущенно проговорил мосье Поль. – Позвольте вам представить Кэролайн.

– Очень рада вас видеть, – Марина протянула толстушке руку. Рука у Кэролайн была мягкой и упругой. Марина подумала, что толстушка напоминает ей большого, симпатичного, резинового пупса.

– Мосье Поль, позвольте поцеловать руку вашей спутнице? – художник подошел к девушке, внимательно посмотрел в ее карие, миндалевидные глаза, где плясали озорные огоньки, и сказал:

– Вы необыкновенная красавица, Кэро-лайн!

– Мерси, – ответила девушка. Яркий румянец залил ее пухлые щечки. – Значит, вы и есть тот самый знаменитый художник?

– Вы правы, мое сокровище, – ответил художник и сделал реверанс.

– Кхе, кхе, – крякнул мосье Поль. В этом кряхтении Марина уловила нотки скрытой угрозы. Она заметила, что лысина мосье Поля покрылась капельками пота, и решила спасти положение.

– Вам понравились наши булочки, мадмуазель?

– Да, очень, – Кэролайн улыбнулась Полю. – Сегодня я решила попробовать теплых булочек в вашем кафе.

Голос у Кэролайн был мелодичным, мягким. Она выговаривая каждое окончание, как ученица начальных классов.

– Неужели вы не француженка? – спросил мосье Жак.

– Я самая настоящая, чистокровная француженка, – ответила Кэролайн так, словно сказала: «Разве вы не узнали меня? Я же королева Франции!» Она выдержала паузу, а потом снисходительным тоном пояснила:

– Я работаю учителем. Моя профессия просто обязывает меня говорить красиво и правильно. Подайте нам, пожалуйста, два больших кофе и по...

– Четыре булочки «Сакре-Кёр», – выпалил Поль. Кэролайн одобритительно кивнула и пожала свою руку поверх его руки.

– Эврика! – закричал художник и запрыгал на одной ножке. Кэролайн и Поль переглянулись и рассмеялись. Марина тоже не сдержалась. Было смешно смотреть на седого мужчину, который скачет между столиками.

– Да, да, да! Я напишу ваш совместный портрет. Вы будете уплетать булочки, а сзади мы поставим Марину с белой розой в руках. Да такой портрет может запросто стать рекламным шитом в вашем кафе, мадмуазель Марина. Ну, как вам моя идея?

– Идея, несомненно, хорошая, – серьезно ответила Кэролайн. – Только мне совсем не хочется на портрете уплетать... – Кэролайн изобразила, как, по ее представлению она должна будет это делать, и все разразились дружным смехом.

– У вас потрясающее чувство юмора, – вытирая слезы, сказал художник. – Вы дали мне понять абсурдность моего предложения, причем, не обидев меня при этом. Позвольте вашу руку.

Кэролайн подмигнула Полю и только после этого протянула руку художнику.

Марина принесла кофе и булочки. Кэролайн и Поль принялись завтракать. Они о чем-то весело заговорили. На колокольне Сакре-Кёр зазвенел большой колокол Савояр. Вторя ему, начал позвякивать колокольчик над входной дверью в кафе. Обычный рабочий день пролетел незаметно.

В восемь Марина закрыла кафе и поспешила в Аквабульвар на встречу с Раймоном. На первом занятии он научил ее нырять, объяснил все тонкости подводного погружения. А потом сказал:

– Ты делаешь потрясающие успехи. Мне даже начинает казаться, что ты нарочно сказала, что не умеешь плавать, потому что хотела больше времени проводить со мной. Так?

– Да, да, да, вы весьма прозорливы, мосье, все было именно так, – в голосе Марины прозвучало раздражение. – Свое решение я приняла тогда, когда вы обидели меня, а я чуть было не вцепилась вам в лицо. Тогда-то я и решила, что никогда, никогда...

– Не расстанешься со мной. Что будешь преследовать меня, запишешься на все мои уроки подводного погружения, – обняв ее, закончил Раймон. – Давай не будем о плохом. Я не хочу ссориться с тобой, Марина. Не хочу...

«Молчи, ты ссоришься со мной, не ведая пока,
Что хлещешь по себе самой, а ты во мне хрупка».³

Больше подобных разговоров у них не было. Были упорные тренировки, после которых Раймон отвозил Марину домой. Он целовал ее в щеку, дарил белую розу и уезжал. Через месяц Марина решила пригласить его на чашечку кофе. Раймон кивнул в знак согласия и вышел из машины. На пятый этаж они поднимались молча.

– Располагайся, а я пока сварю кофе, – сказала Марина.

– Угу, – ответил Раймон и шагнул в комнату.

Марина заправила кофеварку и подумала, что коньяк, который давным-давно стоит в кухонном шкафчике, будет весьма кстати. Поставила на поднос два коньячных бокала, положила белую розу и пошла в комнату. Раймон стоял у стены, на которой висела большая фотография в старинной раме.

– Откуда у тебя эта фотография? – не поворачивая головы, спросил Раймон каким-то незнакомым голосом.

Марина поставила поднос на журнальный столик. Руки у нее задрожали, внутри сжалась большая пружина страха и по спине побежали противные мурашки. Марина опустилась на край дивана и тихо сказала:

– Это моя бабушка...

– Ее звали Марина?

– Да, – голос Марины предательски дрогнул.

– Она умерла два года назад? – спросил Раймон так, словно это был не вопрос, а утверждение. Марина кивнула. – Ее похоронили на кладбище Пер-Лашез там же, где покоятся Эдит Пиаф, Айседора Дункан, Мольер, Лафонтен, Бальзак, Шопен, Бизе и... мой дед – Роман Болдырев.

Раймон повернулся. Его голубые глаза были совсем темными. А на щеках блестели капельки слез. Марина ничего не могла понять. Она сидела, сложив руки на коленях, ладонями вниз, и моргала, моргала, моргала. Раймон стоял напротив, прислонившись спиной к стене, и что-то беззвучно шептал.

Марина вдруг вспомнила про кофеварку и выбежала из комнаты. Она в полной растерянности остановилась у кухонного стола, не понимая, что делать дальше.

Раймон подошел сзади и, тронув ее за плечо, спросил:

– Тебе бабушка что-нибудь рассказывала про эту фотографию?

– Рассказывала, – шепотом ответила Марина.

– Ты знаешь, что на этом фото рядом с твоей бабушкой мой дед – Роман Болдырев?

³ Василий Федоров.

– Твой...? Но... разве... это возможно?

Раймон потянул ее за собой в комнату, снял со стены фотографию, вынул ее из рамы и прочитал надпись, которая была сделана на обороте. «Марина Привалова пятнадцать лет и Роман Болдырев семнадцать лет. Только смерть заставит нас забыть друг друга».

– Дед любил ее всегда. За два дня до смерти он позвал меня к себе в кабинет. Мы долго сидели молча, а потом он передал мне весь свой архив. Все свои письма, которые он написал для Марины Приваловой. Потом поцеловал точно такую же фотографию, улыбнулся и сказал: «Теперь мы вечно будем вместе, Марина. Мы думали, что только смерть разлучит нас, а она нас с тобой соединяет». Потом дед повернулся ко мне и сказал: «Пообещай, что ты разыщешь девушку по имени Марина. Я уверен, что вы полюбите друг друга так же нежно, как и мы. Вы сможете быть вместе, сможете насладиться тем счастьем, которого были лишены мы с Мариной. Я знаю, чувствую, что Марины нет среди живых. Она приходила ко мне во сне и звала меня с собой. Я не смею заставлять ее ждать долее. Вы похороните меня на кладбище Пер-Лашез. Ты увидишь там свежую могилу и все поймешь, мой дорогой Раймон». Дед говорил, а я слушал, не перебивая. В свои девяносто семь дед был весьма энергичным и деятельным человеком. Он был одним из создателей дайвклуба. Он привил мне любовь к морю. Он был и остается моим ангелом-хранителем... – Раймон опустил на диван и закрыл лицо руками.

– Мне ужасно стыдно за то, что я не такая хорошая внучка, как ты, – проговорила Марина. – Я мало знаю о бабушкиной молодости. Наверное, мне не хватало терпения слушать, а у бабушки со временем пропало желание говорить. Последние годы она совсем замкнулась. Единственной ее отдушиной были письма, которые она писала каждый день, но никогда их не отправляла...

– Где они? – Раймон посмотрел на Марину снизу вверх. А ей стало холодно от его взгляда. Глаза Раймона снова стали очень темными. Марине даже показалось, что перед ней совершенно другой человек.

– Где письма? – настойчиво повторил Раймон.

– В чулане, – ответила Марина. – Мама хотела их выбросить, а я забрала. Мне было жалко бабушку. Они с мамой не ладили в последнее время. Мама ругала бабушку за то, что та никогда не любила деда, а жила какими-то глупыми иллюзиями и мечтами...

Раймон поднялся. Марине показалось, что он ее сейчас ударит. Она вся сжалась.

– Отдай мне эти письма, – потребовал Раймон. – Эти письма твоя бабушка писала моему деду.

Марина отдернула гардину, скрывающую дверь в небольшой чуланчик. Все в нем содержалось в таком идеальном порядке, что Марине не составило большого труда быстро найти нужную коробку с письмами бабушки. Она протянула коробку Раймону. Он бережно принял ее, прижал к груди. Марина внимательно наблюдала, как Раймон аккуратно снимает крышку с коробки, гладит пожелтевшие листы, вынимает письма. На дне коробки лежала толстая тетрадь. Раймон достал ее и прочел:

– Я чувствую, как струится время в песочных часах моей жизни. Я знаю, что уже совсем скоро смогу встретиться с тобой, Роман – моя первая и единственная, вечная, неземная любовь!

На странице были приклеены две фотографии: светловолосого мальчика и темноволосой девочки. А под фотографиями надпись «Таковыми мы были, когда впервые встретились на борту корабля «Надежда».

На другом листе была приклеена фотография старой дамы, глаза которой остались такими же сияющими, как у девочки. А надпись под фотографией гласила: «А такой, Роман, ты увидишь меня через, страшно подумать, восемьдесят лет разлуки. Но мы узнаем друг друга. Обязательно узнаем, как тогда, в Аквабульваре... Твоя Марина Привалова».

Раймон захлопнул тетрадь, посмотрел на Марину, сказал:

– Когда я впервые тебя увидел, то почувствовал нечто похожее на электро шок, и замер. Однажды я уже испытывал нечто похожее, но это было в море, когда на меня напал электрический скат. Хорошо, что рядом был Шарль. Он вытащил меня на берег, вернул к жизни. Но в день нашей первой встречи Шарля рядом не было. Ты уходила прочь, а я не мог двинуться с места. Стоял каменным истуканом посреди бульвара. Голос умершего деда Романа вывел меня из оцепенения.

– Раймон, мальчик мой, ты почувствуешь эту женщину. Именно почувствуешь, а потом поймешь, что это именно та, единственная, настоящая, твоя...

Я улыбнулся. Да, да, да, все так и произошло, как утверждал дед. Вначале я почувствовал тебя и лишь потом увидел тебя в огромной людской толпе. И сразу же мир сузился настолько, что стало трудно дышать. Я понял, что девушка, уходящая от меня, моя судьба. И теперь выясняется, что ты внучка той самой женщины, которую любил и боготворил мой дед. Мистика...

– Раймон, но ведь мы впервые увиделись в кафе, – робко возразила Марина.

– Это ты меня впервые увидела в кафе, – он улыбнулся. – Я шел за тобой следом, чувствуя твой магнетизм... И, если бы не дождь, я возможно не решился бы заговорить с тобой.

– Ты не похож на скромного тихоню. Ни за что не поверю, что тебя не интересует женщины.

– И правильно сделаешь, – он поднялся. – Мне пора. Спрячь эти письма обратно в чулан. Доброй ночи.

– Доброй, – растерянно проговорила Марина.

– Не забудь, что завтра занятия, – Раймон хлопнул дверью, ушел.

– Хорошо...

Марина еще долго стояла посреди комнаты и смотрела на письма, на кофе и коньяк, который они так и не выпили.

Новое утро было солнечным и теплым. Кэролайн и Поль пришли в кафе раньше других. Они долго о чем-то шептались, а потом Кэролайн голосом заговорщика попросила Марину уделить им несколько минут. Когда Марина подошла, Поль вытер лысину большим платком и что-то невнятное пробубнил.

– Ну же, Поль, – надула губки Кэролайн.

– Ма-ма... – начал заикаться тот

– Ах, Поль, ничего тебе нельзя поручить, – рассердилась Кэролайн. – Марина, мы хотим пригласить вас на вечеринку. Понимаете, мы решили пожениться.

– Замечательно, – воскликнула Марина. – Я обязательно приду на вашу вечеринку.

– И это самое... если у вас вдруг нет друга... – Поль покраснел от смущения.

– У меня есть друг, – Марина рассмеялась.

– Тогда берите его с собой, – затараторила Кэролайн. – Мы так волновались. Думали, вдруг вы нам откажете. Вдруг не захотите к нам приходить на вечеринку. А как вы думаете, художник согласится прийти к нам?

– Я думаю, что мосье Жак с большим удовольствием примет ваше приглашение.

– Замечательно! – захлопала в ладоши Кэролайн. – Все, Поль, ты проиграл. Я же предупреждала тебя, что со мной спорить бесполезно.

– Сдаюсь, – поднял руки Поль.

– Ладно, – примирительным тоном проговорила Кэролайн. – Я тебя прощаю, потому что благодаря твоим булочкам, мы познакомились с такими замечательными людьми.

– Здравствуйте все! – зазвенел вместе с колокольчиком голос. Марина повернулась и увидела Лили, которая выглядела как фотомodelь. Длинные соломенные волосы Лили были красиво уложены. Легкий макияж подчеркивал ее природную красоту. Одета Лили была так ярко, что Марина зажмурилась. А Лили бросилась обнимать подругу, радостно сообщая, что в ее родном Оксере все в полном порядке.

– Я отпускаю тебя на все четыре стороны, моя дорогая Марина, – пропела Лили и прошла за барную стойку.

– Лили, ты всегда появляешься в нужное время, – сказала Марина и чмокнула Лили в щеку. – Я прощаюсь с вами всего на неделю, – сообщила она Кэролайн и Полю и побежала домой.

Ей нестерпимо хотелось погрузиться в чтение бабушкиных писем и дневника. Вечером она была так растеряна, что побоялась даже прикоснуться к письмам. Они так и остались лежать веером на столе. А утром читать было некогда. Зато теперь у нее уйма времени...

– Прости, прости меня, бабушка за то, что я была плохой внучкой, – сказала Марина, открывая бабушкин дневник.

Волнение нарастало от того, что сейчас ей придется погрузиться в чужую, неизвестную жизнь родного, любимого человека. Часть записей бабушка сделала по-русски, а потом шел понятный Марине французский текст.

Она явственно увидела свою бабушку Марину Привалову юной барышней, поднимающейся на борт корабля. Соломенная шляпка с алыми маками, длинное бледно-лиловое платье, белые кружевные перчатки, зонтик, саквояж. На лице счастливая улыбка, в глазах радость от предстоящего путешествия. Юная барышня еще не знает, что билет взят только в один конец, что она покидает Россию навсегда.

Шел 1917 год. Обстановка в стране была очень сложной. Бабушкины родители решили перебраться во Францию. Они искренне верили, что в скором времени жизнь наладится, и они смогут вернуться обратно. Эта уверенность передалась и Марине.

– Мы поедem во Францию, – пела она, собирая вещи для недолгой поездки. – Я увижу Париж, Париж, Париж!

Но, когда они поднялись на борт корабля и оказались среди раздраженных, озлобленных людей, Марина испугалась. От ее радости и ликования не осталось следа. Она поняла, что их путешествие может закончиться гораздо быстрее, чем они предполагали. Их всех сейчас здесь перестреляют. Нужно скорее отдать швартовы, а матросы медлят. Почему они медлят? Кого ждут? Почему так воют женщины? Почему мужчины прячут глаза?

Порыв ветра сорвал с головы Марины соломенную шляпку с красными маками. Шляпка упала на воду и поплыла к берегу. Протяжный гудок сообщил о том, что путешествие длиною в жизнь началось. Марина Привалова стояла и смотрела на свою шляпку и не могла отделаться от чувства потери. Словно это не шляпка улетела, а душа Марины шлепнулась в море, чтобы вобрать в себя всю соль и всю горечь, накопившуюся в нем.

– Только моя «счастливая» шляпка вернулась на Родину, – написала Марина Привалова в своем дневнике. – А я прожила большую часть жизни во Франции, стала госпожой Арман, но так и не смогла вернуться обратно. Сначала причиной были строгие запреты, а потом – преклонный возраст.

– Я обязательно побываю в России, бабушка! – пообещала Марина, закрыв тетрадь.

Ей стало стыдно за свое невнимание и черствость. За то, что она была так далека от бабушки, когда ей требовались ее ласка и внимание. Но уже ничего не вернуть, ничего... И обещание, которое звучит сейчас, нужно больше ей самой. Теперь Марина оценивает жизнь бабушки иначе. Она понимает, что та всю свою жизнь ждала чуда, верила в него. Чудо произошло, но было уже слишком, слишком поздно, потому что жизнь бабушки оборвалась...

Марина вспомнила слова Раймона о том, что могилы ее бабушки и Романа Болдырева находятся рядом. Значит, они встретились. Встретились через восемьдесят лет разлуки. Марина подошла к окну и, глядя на базилику Сакре-Кёр, спросила сама себя:

– Смогла бы ты любить так долго одного мужчину? – покачала головой. – Не знаю... Пока я не встречала такого... Может быть, Раймон..?

Ей было пятнадцать лет, когда она впервые увидела его. Они плыли на корабле под названием «Надежда». Он стоял у борта и, не мигая, смотрел вдаль. Марина Привалова встала рядом с ним, заглянула в лицо и воскликнула:

– Ах, в ваших глазах так красиво отражается море, что не возможно отвести взгляд!

– Нет, это не море. Это небо России, которую мы никогда больше не увидим, – ответил он, продолжая смотреть вдаль.

– Почему это мы больше не увидим Россию? – спросила Марина раздраженно.

– Нам не позволят, – ответил юноша.

– Кто? – удивилась она.

– Новые правители... – продолжая неотрывно смотреть на море, ответил он.

Марина испугалась его слов. Повернулась, чтобы уйти, но он попросил:

– Пойдите еще со мной рядом, барышня. С вами чувство одиночества не так сильно тяготит меня.

– А почему вы говорите про одиночество, когда здесь столько людей? – придвинувшись ближе к нему, спросила Марина. Теперь они стояли, прислонившись друг к другу. Она чувствовала тепло его тела и ощущала при этом какую-то непонятную внутреннюю дрожь.

– Люди одиноки по своей природе. Мы не нужны никому. Мы разобщены. В огромном людском муравейнике каждый выживает в одиночку.

– Меня пугают ваши слова, – сказала Марина, поежившись. – У меня есть мама и папа, которые меня любят. Они..

– Придет время, и ты останешься совсем одна. И я тоже буду одиноким... – он повернулся к ней. – Давай пообещаем думать друг о друге, где бы мы ни были. Что бы с нами в дальнейшем ни произошло, давай поклянемся не забывать друг друга. Понимаешь, если я буду думать о тебе, а ты обо мне, то мы победим одиночество!

– Мы победим одиночество! – повторила Марина, подумав, что слова юноши не лишены смысла. Конечно, вместе победить одиночество проще. Она встала на цыпочки и поцеловала его в холодную щеку. Он улыбнулся, на щеках появились две ямочки.

– Меня зовут Марина Привалова, – протянув руку, сказала Марина.

– Роман Болдырев, – поцеловав ее тонкие пальцы, представился он.

Неделя, которую они провели на корабле, была самой счастливой в их жизни. Расставаясь, они обменялись маленькими фотографиями и пообещали помнить друг друга вечно.

Прошел почти год, прежде чем они встретились снова. Марина неожиданно почувствовала непонятное волнение, а потом увидела Романа, бегущего через площадь. Она побежала ему навстречу. Они крепко обнялись и долго стояли, прижавшись друг к другу. Таких объятий в их жизни было немного. Они виделись всего три раза. И каждый раз Марина сначала ощущала непонятное волнение, а потом видела бегущего Романа.

В последнюю их встречу они решили сфотографироваться. Роман обещал забрать фотографии и прислать Марине. Через неделю она получила первое его письмо и фотографию, на обороте которой было написано: «Марина Привалова пятнадцать лет + Роман Болдырев семнадцать лет. Только смерть заставит нас забыть друг друга».

Марина расцеловала фотографию и пропела:

«Когда он меня обнимает,

Когда нашептывает мне на ушко,
Жизнь представляется мне в розовом свете!»

Роман присылал ей письма каждую неделю. Но родители запретили отвечать ему. Марине приходилось тайком отправлять ответы. А потом она караулила почтальона, чтобы никто не узнал ее тайну, их с Романом тайну. Они планировали убежать, чтобы всегда быть вместе.

Но вдруг письма от него перестали приходить. Марина загрустила и даже несколько дней не вставала с постели. Она представляла все, что угодно, но никогда не думала, что Роман разлюбил ее, забыл их клятву.

– Хватит раскисать, – ругала Марину мама. – Мужчин пруд пруди. Посмотри, сколько их ходит по улицам. Что ты помешалась на этом русском голодранце?

– Мама, как ты можешь так говорить? – возмущалась Марина. – Ты же тоже русская.

– Забудь о том, что ты русская, – кричала мать. – Ты получила замечательное образование. Ты говоришь и пишешь по-французски гораздо лучше, чем по-русски. Это все для твоего же блага. Пойми, я всегда мечтала жить во Франции. И эти босяки даже не подозревали, что, создав такую невыносимую обстановку в России, они тем самым ускорили наш отъезд. Они заставили нас сделать то, что я сама вряд ли бы смогла сделать...

Увидев изумленный взгляд дочери, она смягчилась.

– Я по-своему люблю Россию... Но ты не должна вести себя, как русская. Никто не должен заподозрить, что ты не чистокровная француженка!

– Мама, мама, ты говоришь ужасные вещи. Кто может с уверенностью сказать, какой национальности были его далекие предки? Ведь даже у нашего великого Пушкина дед был арабом!

– Я не желаю слушать тебя. Забудь о России, – прикрикнула на нее мать. – Забудь этого мальчишку. Я сообщила ему, что ты вышла замуж. Что ты забыла его...

– Нет! – закричала Марина и разрыдалась. – Ты не могла так поступить. Это жестоко, мама!

– Могла, – зло отрезала та. – Я именно так и сделала, как сказала.

– Но это же неправда...

– Правда! Потому что ты выйдешь замуж за Ардуэна-Анри Армана. Мы с отцом уже готовимся к свадьбе. Вашей свадьбе. Твоей свадьбе!

– Не-е-т... Я лучше умру.

– Не умрешь, – процедила мать сквозь зубы. – От счастья еще никто не умирал. Никто...

Через неделю Марина Привалова стала женой Ардуэна-Анри Армана, который был старше нее на двадцать лет.

Они прожили в браке сорок пять лет. Все эти годы Марина говорила ему «Вы». Анри безумно любил жену, но и ревность его была еще более безумной. Порой она доходила до абсурда.

Семья Арман жила далеко от Парижа в небольшом домике, окруженном стеной колючего кустарника. Выходить за калитку Марине запрещалось. Да она и не делала подобных попыток. Идти пешком в Париж казалось ей верхом безумия. Просить автомобиль у Анри было еще большей нелепостью. Марина просто ждала, что однажды Роман сам отыщет ее. Эта надежда помогала ей жить и переносить все беды, которые сваливались на юную, раннюю, незащищенную душу.

– Нет, нет, я не одинока, не одинока. Роман думает обо мне. Он никогда не нарушит нашу клятву, никогда, – повторяла Марина как заклинание.

Первым у Марины родился сын Жюль. Но через год он умер. Врачи не смогли понять причину смерти ребенка. Потом было еще трое сыновей, которые тоже умирали по непонятным причинам.

– Это происходит от того, что ты не любишь меня, маленькая русская дрянь, – кричал в бешенстве Ардуэн-Анри Арман. – Четверо сыновей умерли. Это ты убиваешь их своей ненавистью. Но ты будешь рожать до тех пор, пока наши дети, мои дети не останутся жить на земле!

Марина плакала, уткнувшись в подушку, и просила себе смерти. Но наступало утро и ничего не происходило. Она продолжала жить.

В 1938 году родилась девочка, которую Ардуэн-Анри назвал Женевьевой, веря, что это имя спасет малышку от смерти. Он построил небольшую часовенку, где молился за долгую жизнь своей дочери. Нанял кормилицу из Оксера, а Марине не позволял прикасаться к ребенку. Критический возраст миновал. Женевьева не умерла, как предыдущие дети.

Она росла на редкость крепкой девочкой. Ее опекали, выполняя любой каприз. Женевьева была необыкновенно привязана к отцу, обожала его. Злилась на мать за то, что та так строга и холодна с отцом, так замкнута и немногословна.

Когда Женевьева выросла, Ардуэн-Анри нашел ей прекрасного жениха Эдуарда Жюли. Свадьба была грандиозной. Молодые были без ума друг от друга. Ничто не предвещало беды. В семье Жюли ждали прибавления. Но у Женевьевы начались преждевременные роды. Родившийся мальчик умер через неделю. Женевьеву чудом спасли. Оказалось, что у матери и ребенка разные резус-факторы крови. У Женевьевы началась почечная колика, которая и заставила отторгнуть ребенка как чужеродный организм.

Ардуэн-Анри Арман не выдержал смерти внука и умер от разрыва сердца. Когда через месяц Женевьеве сообщили о смерти отца, она побледнела и выкрикнула матери в лицо:

– Почему, почему ты не спасла его? Ты даже рада, что его не стало. Ты никогда не любила его. Ты никогда не любила меня. Ты вообще никого в своей жизни не любила, злая, вредная старуха.

– Я ничего не могла сделать, – ответила Марина, глядя дочери в глаза. – Просто, пришло его время уходить, вот и все. Мы не властны над днем рождения и днем смерти. Ты ведь тоже потеряла ребенка. Тебя саму чудом спасли. У тебя все будет хорошо. Ты молода. Вы с Эдуардом любите друг друга. Не надо злиться на весь свет, Женевьева.

– Я злюсь только на тебя, на тебя, Марина, – выкрикнула она и ушла, громко хлопнув дверью.

С тех пор отношения между матерью и дочерью совсем испортились. Марина осталась одна в своем доме. А Женевьева переехала к Эдуарду.

Через десять лет родилась Марина Жюли – француженка с русским именем.

– Я назвала ее твоим именем, мама, потому что очень хочу, чтобы у моей девочки была долгая жизнь, – сообщила Женевьева, пряча глаза.

Бабушка поцеловала внучку в лобик и прошептала:

– Будь счастлива, крошка. И пусть в твоей жизни будет большая, неземная любовь.

– Ах, мама, не надоело тебе еще? – фыркнула Женевьева.

– Нет, дорогая. Любовь – это самое прекрасное чувство. Если у людей не будет любви, то мир погибнет. Души почернеют и сгорят от ярких солнечных лучей, как загораются угли от огня. Только любовь спасет мир. Только любовь...

– Надеюсь, ты не будешь внушать малышке такие глупости? – строго спросила Женевьева.

– Нет, дорогая. Я просто буду рассказывать ей сказки... о любви, – пообещала та, подумав, что у нее появится прекрасная возможность рассказать малышке о мечтах юной русской девочки, которым не суждено было сбыться...

После тренировки Раймон довез Марину до дома, выключил зажигание и, выйдя из машины, спросил:

– Угостишь меня чашечкой кофе?

– С удовольствием.

Они поднялись на пятый этаж. Марина сварила кофе, поставила чашечки на поднос, пошла в комнату. Остолбенела, увидев Раймона, лежащего на диване под пледом. При этом его одежда валялась на полу.

– Что это значит? – спросила Марина, поставив поднос на стол.

– Это значит, что я настоящий француз, – забросив руки за голову, пояснил Раймон. – Нам давно пора было упасть друг другу в объятия. Ну, иди же скорее ко мне.

– Нет, – сказала Марина резко. – Нет-нет, не сегодня, не сейчас.

– А что случилось? – Раймон сел на диван, натянув плед на обнаженное тело словно стыдливая девушка.

– Прошу тебя, оденься, Раймон, – взмолилась Марина. – Ты меня возбуждаешь, но... Я хотела поговорить о них, – Марина показала на фотографию. – Мне очень нужно поговорить...

Она вышла из комнаты, дав Раймону возможность одеться. Ей безумно хотелось броситься в его объятия. Но огромным усилием воли она отогнала все желания. Еще раз сказав себе: «Не сегодня. Не сейчас...»

– Можешь заходить. Я снова милый, невинный собеседник с голубыми глазами! – крикнул Раймон, уселся на диван, сложил руки на коленях как примерный ученик, потупил взор. – Простите.

– Ты напрасно хочешь казаться хуже, чем ты есть на самом деле, – пожурела его Марина.

– Ты так считаешь? Значит, я больше нравлюсь тебе в роли пай-мальчика? А ведь я в жизни жестокий, властный и даже эгоистичный человек, – глядя на Марину снизу вверх, сказал Раймон.

– Пусть так. Я не собираюсь фантазировать на твой счет. Я просто хочу попросить тебя о помощи.

– Интересно, – он поднялся.

– Расскажи мне, пожалуйста, про Романа, – попросила она. – Мне хочется понять природу их такой необыкновенной любви. Что заставляло их столько лет думать друг о друге? Почему они так и не встретились? Почему...

Раймон порывисто обнял Марину, прижал к себе так крепко, что у нее дух перехватило.

– Вот так он прижимал ее к груди двадцать лет назад. А я смотрел на них и не мог понять, почему дед обнимает чужую старушенцию, – проговорил Раймон, уткнувшись Марине в волосы.

– Двадцать лет назад? – воскликнула она.

– Да, да, они встречались. Вернее они встретились двадцать лет назад на открытии Аквабульвара. Она сама шагнула ему навстречу. Он крепко прижал ее к себе. Но тут же защелкали фотообъективы. Им не позволили насладиться сполна этой долгожданной встречей. Да и я вертелся рядом, требовал к себе внимания. Дед погладил меня по голове и сказал:

– Это мой внук Раймон.

– Раймон! – повторила она и тоже погладила меня. Мне стало необыкновенно тепло от этого прикосновения. Я улыбнулся. Она улыбнулась мне в ответ.

– Какая чудная улыбка у тебя, Раймон. А мою внучку зовут Марина.

– Марина, так же, как и тебя! – дед поцеловал ее в щеку.

– Раймон, где ты? – крикнула бабушка. Я побежал на ее зов.

– Это моя жена Джейн. Она американка, – сообщил дед.

– Она такая молоденькая и такая красивая. Ты – счастливый человек, Роман. Я рада за тебя...

Но было понятно, что она не рада, что она огорчена до слез. Ее мечтам не суждено сбыться. Она не посмеет вторгаться в чужую жизнь... Она не будет разрушать покой молодой американки Джейн и русского француза Романа Болдырева.

– Ах, как глупо! – воскликнула Марина. – Они же могли просто изредка видаться, встречаясь где-нибудь в кафе.

– Нет, – Раймон вздохнул. – Все было намного сложнее. Они оба понимали, что видаться изредка – это все равно, что не видаться вовсе. Они понимали, что не смогут расстаться, если встретятся еще раз. Твоя бабушка сама отправила деду письмо о своей вымышленной смерти...

– Что? Нет. Это же безумие. Зачем она это сделала?

– Дед высоко оценил поступок Марины. Он сказал, что не всякий сможет пожертвовать своим счастьем ради счастья другого. Такое самоотречение, самопожертвование дорогого стоит. На такое способна только чистая душа, в которой горит искра Божьей любви!

– Искра Божьей любви, – повторила Марина.

– Вот мы и подошли к ответу на вопрос о природе любви. «Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не ищет своего, не превозносится, не мыслит зла, не бесчинствует, не раздражается, не радуется неправде, а сорадуется истине, все переносит. Любовь никогда не перестает».⁴ И если человек раздаст все свое богатство, а тело свое отдаст на сожжение, но любви иметь не будет, то нет в таком геройстве никакой пользы.

– Никакой, – подтвердила Марина.

Раймон усадил ее на диван. Сам устроился напротив на полу, сложив ноги по-турецки.

– Дед женился только в 1950 году. Он воевал. Потом попал в Америку. Там они и познакомились с бабушкой. Ей было двадцать, ему сорок пять. Она была невинным созданием, потерявшим голову от красавца морского офицера. Через год родился мой отец Александр – единственный их ребенок. Через десять лет дед решил вернуться во Францию. Они поселились в Гавре. А потом переехали в Париж, чтобы помогать сыну Александру, который надумал жениться на девушке Сюзане из Оксера...

– У моей мамы была кормилица из Оксера. Моя подруга Лили родом из Оксера. Твоя мама из Оксера, сколько совпадений, – Марина улыбнулась.

– Да, очень интересно все выходит, – Раймон взял чашечку кофе. – О, кофе совсем холодный.

– Давай сварю новый.

– Не стоит. А то мы до утра будем разговаривать. Значит так, мой отец женился. Первым родился я. Дед был счастлив, что фамилия Болдырев не умрет. У меня еще три сестры: Катрин, Симона и Сандра.

– Вы ладите? – поинтересовалась Марина.

– Конечно. У меня замечательные сестры. Я обязательно тебя с ними познакомлю, – пообещал Раймон. – Знаешь, я ведь чуть было не женился несколько лет назад.

– И что же тебе помешало?

– Дед позвал меня к себе и задал всего один вопрос: «Сможешь ли ты через двадцать лет совместной жизни совершенно беззаботно болтать с этой женщиной?» Я задумался. Я ничего не ответил ему в тот вечер. Я пригласил свою возлюбленную Леонору в... дайвклуб и... Представь, она совершенно не умеет танцевать вальс... А если серьезно, это просто

⁴ 1Коринфянам 13: 3—7

была не моя женщина. Мы расстались без сожаления и взаимных упреков. Легко. Забыли друг о друге через пару месяцев, наверно.

– А где она сейчас?

– Кто, Леонора? – Раймон поднялся. – О, госпожа Леонора покоряет Голливуд. Она познакомилась с каким-то продюсером, быстро вышла за него замуж и укатила в Америку, сообщив мне, что если женщина позволяет, чтобы ее бросили, то она круглая дура. А если у нее есть запасной вариант, то ее жизнь всегда будет проходить в розовом свете. Леонора дала мне понять, что выбирала между мной и американцем. Выбор оказался в его пользу. Это она меня бросила, а не я расторг нашу помолвку. Она считает себя победительницей. Смешно... – он глянул на часы и свистнул. – О, мне пора. Уже слишком поздно. Я нарушил все нормы приличия. Спокойной ночи, мадмуазель. Встретимся на вечеринке у Поля.

Раймон поцеловал онемевшую Марину в лоб и ушел, аккуратно закрыв за собой дверь...

Вечеринка, которую устроили Поль и Кэролайн, удалась на славу. Кэролайн чудесно пела, а Поль подыгрывал ей на гитаре.

– Кто бы мог подумать, – восклицал мосье Жак, – что наш толстяк из подземного мира так недурно играет на гитаре. У него прекрасный слух, а у Кэролайн восхитительный голос. Я непременно напишу их портрет. Пойду, сообщу им о своем решении.

Раймон отвел раскрасневшуюся Марину в сторону и сказал:

– У меня для тебя сюрприз. Я купил тебе билет на Красное море!

– Би-лет? – Марина даже поперхнулась.

– Не волнуйся, – успокоил ее Раймон. – Мой билет на самолет с той же датой, что и твой. Мало того, я буду сидеть с тобою рядом и утомлять тебя своими разговорами о красотах подводного мира.

– Но...

– Никаких возражений. Если ты боишься оставить без присмотра кафе, мы найдем тебе хорошую замену.

– Да нет же. О кафе я совсем не беспокоюсь. Меня заменит Лили...

– Вот видишь, как все славно получается.

– Раймон, я же никогда не летала на самолете, – простонала Марина, прижавшись к нему.

– Ни-ког-да? – недоверчиво переспросил Раймон. Марина утвердительно кивнула. – Бедная моя, дремучая мадмуазель. Сколько же вам лет?

– Столько же, сколько и вам, мосье. Но я нигде не была и ничего не видела, – в голосе послышалось недовольство.

– Только не говори, что у тебя не было мужчин, – взмолился Раймон. – Я в это точно не поверю.

– Мужчина у меня был. И не один, – с вызовом ответила Марина.

– Bravo! «Все они прошли как будто тени, не коснувшись твоего огня...»⁵, – приложив руку ко лбу, проговорил Раймон.

– Мы сейчас поссоримся, – строго сказала Марина. – Меня начинают раздражать наши отношения...

– О каких это наших отношениях вы говорите, мадмуазель? – поинтересовался Раймон.

Марина задохнулась от возмущения. Она готова была вклепать Раймону звонкую пощечину. Но он перехватил ее руку, сказал нежно:

⁵ Сергей Есенин.

– Все, мир. Не сердись. Я приглашаю тебя совершить путешествие на Красное море в составе нашей группы. Согласна?

Марина отвернулась. Ей было обидно и хотелось плакать.

– Зачем Раймону понадобилось разыгрывать этот спектакль? – думала она. – Зачем он с такой силой сжимает мою руку, словно желает причинить мне физическую боль?

– Так ты согласна поехать с нами? – еще раз спросил Раймон, убрав руку.

– Да, – ответила Марина, не поднимая глаз.

– Вот и прекрасно, – Раймон обнял ее и поцеловал в лоб.

Марина подумала о том, что чудо, в которое верила ее бабушка, происходит сейчас с ней. И она Марина Жюли должна радоваться за двоих. Но радость притупляется из-за того, что в мыслях крутятся слова: море, самолет, аквалангисты, погружение, новая страна. Эта новизна ее пугает...

Утром Марина позвонила Лили и сообщила, что улетает на неделю в Шарм-эль-Шейх.

– Шарм-эль-Шейх? Где это? – озабоченно спросила Лили.

– Это на Красном море, – ответила Марина таким тоном, словно разговор шел о названии станций Парижского метро.

– Красное море, Шарм-эль-Шейх. Ужас сколько шипящих... Где это все? Что это за страна? Неужели ты не боишься? А вдруг там произойдут какие-нибудь страсти? Ты застраховала свою жизнь? – затараторила Лили.

– О, Лили, – взмолилась Марина. – Красное море в Египте. Это цивилизованная страна. Мне совершенно ничего не угрожает...

– Да? А ты знаешь, что арабы – жуткий народ. Ведь в Египте живут арабы? – Марина подтвердила. Тогда Лили разразилась новой тирадой:

– Ужас! Как ты можешь так спокойно говорить о своей предстоящей поездке в этот Шейх, пусть даже он и Шарм-эль? Ты даже не подозреваешь, что во всех мировых войнах не обошлось без арабов, к которым, кстати, ты добровольно собралась лететь. Там наверняка есть подпольные организации, которые похищают людей...

– Допустим, что это так, но плохие люди есть везде и во Франции тоже, а подпольные организации нам не страшны, – перебила ее Марина. – Мы же будем погружаться на морское дно.

– О, ты хочешь, чтобы у меня разорвалось сердце, – простонала Лили. – Ты же не умеешь плавать. Ты же сама уверяла меня, что дальше загородного домика своей бабушки никуда не выезжала. Я даже не могла уговорить тебя побывать в аэропорту Шарль-Деголь. А теперь ты весело сообщаем мне, что собираешься погружаться на морское дно! Я отказываюсь это все понимать.

– Милая Лили, – Марина попыталась успокоить подругу. – Я прекрасно понимаю твоё волнение. Я даже благодарна тебе за такое внимание. За то, что ты так за меня переживаешь. Но я умоляю тебя, будь спокойнее. Я научилась плавать достаточно хорошо. Целый месяц я брала уроки в дайвклубе. Я умею погружаться с аквалангом. Я уже не боюсь моря. Я хочу увидеть его своими глазами, понимаешь?

– Ну и съездила бы на Лазурный берег. Зачем тащиться в Египет? В Ниццу лететь всего сорок минут. Билет стоит всего тридцать евро. Погода великолепная. Цивилизация. Мне совсем не хотелось уезжать оттуда. Я бы осталась в Ницце, если бы не работа, ой... – Лили замолчала.

– Так вот значит, где ты пропадала? – укоризненно проговорила Марина. – Значит, ты вместо того, чтобы быть в Оксере, валялась на Лазурном берегу?

– Пойми меня правильно, – виновато заговорила Лили. – Марсель никак не хотел со мною расставаться. Я приносила ему удачу. Мы вечерами играли в казино... – Лили всхлипнула.

– Твой Марсель проигрался? – сочувственно спросила Марина.

– Хуже, – Лили уже рыдала в голос. – Он укатил в Монте-Карло с шикарной, полногрудой брюнеткой... Смотри, как бы твой Раймон не изменил тебе с полногрудой блондинкой и не бросил тебя там в Шейхе, – неожиданно успокоившись, проговорила Лили. – Я хотя бы во Франции была. Собрала чемоданчик, купила билет до Парижа, и забыла об этом мерзавце. А ты будешь в чужой стране. Вокруг только арабы, которые не говорят ни на каком языке, кроме своего родного. Значит, взаимное непонимание гарантировано. Подумай, моя дорогая, стоит ли так рисковать.

– Лили, успокойся. Я думаю, что не все так плохо, как ты мне сейчас расписала, – голос Марины стал строгим.

– Ладно, я все поняла. Но и ты должна услышать меня. Ты должна потребовать у него обратный билет. И пусть...

– Лили, прости, ко мне в дверь позвонили, – соврала Марина. Она больше не могла слушать нравоучения подруги. – Я целую тебя. Через неделю увидимся.

– Нет! – крикнула Лили. – Позвони мне из гостиницы, умоляю. Я же с ума сойду от волнения.

– Ладно, позвоню, – засмеялась Марина и повесила трубку.

По дороге в аэропорт Раймон не проронил ни слова. Марина была даже рада этому. Она смотрела в окно и любовалась Парижем. Когда машина остановилась у огромного здания аэропорта Шарль-Деголь, Раймон сказал:

– Главное, никуда не отходи от меня, а то потеряешься.

В зале вылета было многолюдно и шумно. Марина на миг замерла.

– Не отставай, – скомандовал Раймон и пошел к стойке регистрации. Там их уже поджидал Шарль.

– Я вас заждался, – укоризненно проворчал он.

– Не бубни, дружище. Мы все успеем, – Раймон пожал ему руку, а Марина чмокнула в щеку. Шарль повеселел.

– Ваши места указаны на посадочных талонах. Выход номер пять. Счастливого полета, – сказала девушка, возвращая им документы.

– Вы им в зоне для некурящих дали места? – поинтересовался Шарль, перегнувшись через стойку так, что его лицо оказалось совсем рядом с лицом девушки. Она слегка отстранилась и вежливо проговорила:

– На самолетах авиакомпании «Эрфранс» курение категорически запрещено.

– Что вы говорите? – Шарль изобразил расстройство. – Что же делать заядлым курильщикам?

– Ехать поездом, – ответила девушка.

– Не слушайте этого болтуна, – улыбнулся Раймон. – Он вообще не курит.

Девушка рассмеялась, погрозила Шарлю пальчиком.

– Вот так всегда, – Шарль взял Марину под руку. – Только мне приглянется девушка, как этот вездесущий мосье с очаровательной улыбкой уводит ее у меня прямо из-под носа. Советую вам, моя дорогая Мариночка, взять этот факт на заметку. У вас блокнот с собой?

– Что? – не поняла Марина. – Блокнот?

– Ну да, блок-нот, чтобы делать важные записи. Чтобы фиксировать все провинности Раймона, – Марина рассмеялась. – Я рад, что у вас с чувством юмора все в полном порядке.

А то у вас такой испуганный вид был, словно вы собираетесь в гроб ложиться. Поверьте моему опыту, летать на самолетах не страшно, а очень, очень...

– Страшно, – добавила Марина.

– А вот и нет! – обрадовался Шарль и запрыгал на одной ножке. Марина улыбнулась. Было весело смотреть на огромного, крепкого молодого человека, который скачет, как ребенок, да еще прихлопывает в ладоши.

– Летать на самолетах очень, очень здорово! – воскликнул Шарль, раскинул руки в стороны и побежал вперед, изображая самолет. – Вы верите мне, Марина?

– Верю, – пропела она.

– Тогда вперед, на бегущую дорожку, которая приведет нас прямо во чрево самолета. Не сомневайтесь, что это будет самый комфортабельный, самый надежный, самый быстрый самолет. Вы мне верите?

– Верю.

Они действительно оказались в самолете. Марина даже не заметила, когда кончилась дорожка. Она просто увидела приветливую улыбку стюардессы, а за ее спиной ряды кресел. Раймон сел у окна, Марина посередине, а Шарль устроился в кресле у прохода.

– Мы будем охранять вас, – сказал Шарль и крепко сжал Маринину руку. Раймон сделал то же самое с другой стороны. – Теперь вы наша пленница до самого Египта! Вы никуда не сможете удрать.

– Никуда вам не убежать от нас, Марина, – подтвердил Раймон.

– Вы можете потешаться надо мной сколько угодно, – дрожащим голосом проговорила Марина. – Но это... Это по меньшей мере не красиво.

– Это просто вульгарно, если не сказать хуже. Вы совершенно правы, дорогая, – подтвердил Шарль, склонившись к самому уху Марины.

– Господин, писака, не приставайте к барышне. А то мне придется поменяться с ней местами, – предупредил Раймон.

– Попробуйте, – развалившись в кресле, сказал Шарль. – Она вам обязательно откажет. Она же ни за что не согласится сидеть у иллюминатора и смотреть вниз. Верно?

– Нет, – ответила Марина.

– Нет? – Шарль даже подпрыгнул. – То есть вы хотите сказать, что желаете сидеть у иллюминатора и смотреть на мир с высоты птичьего полета?

– Хочу.

– Раймон, уступи даме место, – приказал Шарль.

Раймон поднялся. К ним тут же подбежала стюардесса.

– У вас что-то случилось, господа? – в голосе испуг. – Мы уже готовимся к взлету. Будет лучше, если вы останетесь на своих местах и пристегнете ремни.

– Мы просто меняемся местами и пристегнемся, – успокоил ее Раймон.

Марина взглянула в иллюминатор и закрыла глаза. Ее руки стали влажными от напряжения. Она поняла, что совершила опрометчивый поступок, поменявшись местами с Раймоном. Но отступать было уже поздно. Самолет медленно двигался к взлетной полосе. Марина решила подумать о чем-то, не связанным с полетом. Она вспомнила большой белый купол Сакре-Кёр, где на самой верхней смотровой площадке у нее была любимая скамеечка. Марина могла часами сидеть там, смотреть на Париж с высоты птичьего полета и слушать чарующую музыку самого большого колокола Савояр дара Савойи.

Ты на крыши Парижа посмотри с высоты,
С высоты облаков, где гнездятся мечты...

Словно угадав ее мысли, пропел Раймон.

Марина открыла глаза и увидела, что они уже парят над белоснежными облаками, похожими на сладкую вату.

– Я даже не почувствовала, как произошел отрыв от земли, – сказала Марина, зачарованно глядя на облака. – Какая красота! С земли никогда не увидишь такого. По этим пушистым облакам просто хочется побегать, скинув туфли.

Мне хочется бежать по облакам
Бежать навстречу счастью иль судьбе.
Мне хочется по солнечным лучам
Найти дорогу, что ведет к тебе.
Мне хочется кричать на весь Париж:
– Марина, где ты? Под какой из крыш?
Лишь зайчик солнечный метнется по трубе.
А ты... Ты, как и прежде, промолчишь.

Это стихотворение написал мой дед, когда они летели из Америки. Он надеялся на встречу с Мариной. Надеялся и боялся, что не сможет разыскать ее, – сказал Раймон негромко. Он сидел, откинувшись в кресле с закрытыми глазами. Казалось, что он говорит сам с собой. Но и Марина, и Шарль превратились в слух. Шарль даже несколько раз облизал губы, надеясь услышать что-то новенькое.

– А когда отчаяние охватывало моего деда, он стонал: «Отдай мне ее, ты слышишь, Париж! Выбрось, как море янтарь». Кстати, о море, – Раймон открыл глаза, улыбнулся и положил свою теплую руку на холодную Маринину. – Красное море называют эмбрионом океана. Именно эмбрионом, то есть океаном в зародыше!

– А мне больше нравится, когда Красное море называют «водяным пальцем», – чуть отстранив Раймона, заговорил Шарль. Его совершенно не устраивала роль пассивного слушателя. Тем более, что про Красное море он знал больше Раймона и решил блеснуть эрудицией.

– «Водяным пальцем» море называют потому, что максимальная ширина его триста пятьдесят километров, а длина – две тысячи сто километров от Суэцкого канала до Баб-эль-Мандебского пролива. При этом в Красное море не впадает ни одной реки и вода в море нагревается до пятидесяти девяти градусов! Это самое теплое море на планете. Под парящими лучами тропического солнца происходит интенсивное испарение поверхностной воды. Осадков выпадает всего двадцать пять миллиметров в год – это вообще ничего. Если все суммировать, то глубина Красного моря должна ежегодно уменьшаться на восемнадцать метров. А без воды Индийского океана, которая втекает в Красное море через уже упомянутый Баб-эль-Мандебский пролив, Красное море совсем бы испарилось! Но количество воды в Красном море не уменьшается, а остается постоянным. Глубина Красного моря, между прочим, две тысячи триста девяносто пять метров! Вот поэтому и считают его эмбрионом океана! К тому же, ученые обнаружили пятнадцать впадин, в которых концентрируются тяжелые металлы. А в южной части моря в апреле проходят даже праздники изобилия. Одна важная особенность, на которую стоит обратить внимание: концентрация соли в море необыкновенно высокая. Поэтому выживать растениям на берегах Красного моря весьма сложно. Ученые насчитали всего двадцать шесть видов мангровых деревьев, которые умеют избавляться от соли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.